

АЛЬФРЕД НОБЕЛЬ И ИМПЕРАТОРСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Так сложилось, что премии, учрежденные Альфредом Нобелем, так или иначе связаны с Россией, где он познакомился с опытами русского ученого-химика Н. Н. Зинина по созданию нитроглицерина. Это и привело в конечном счете к изобретению Нобелем динамита — нового взрывчатого вещества, безопасного пороха. К сожалению, Нобелю не удалось сделать свое открытие в России, где в то время производством и использованием взрывчатых веществ занималось военное ведомство, но не частные лица. «Окажись русские власти поизворотливее и даже дальновиднее, задержи отца и сына Нобелей в России, — считает В. Т. Тютюнник, — возможно, честь присуждения Нобелевских премий принадлежала бы нашей стране» [1, с. 11]. Действительно, после банкротства Эмануилу Нобелю пришлось покинуть Россию и вернуться со своей семьей в Швецию. Однако в Петербурге остался брат Альфреда — Людвиг Нобель, который устроил в столице Российской империи механический завод «Людвиг Нобель» и в Баку крупнейшую в стране фирму «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель». Людвиг Нобель внес значительный вклад в развитие российской промышленности, и поэтому не случайно при Русском техническом обществе, одним из учредителей которого был сам Л. Нобель [2, с. 6], в 1889 г. «Товариществом братьев Нобель» была учреждена премия и золотая медаль памяти Людвига Эмануиловича Нобеля, скончавшегося в 1888 г. Премия предназначалась для поощрения изысканий русских инженеров и техников в области металлургии и нефтепромышленности [3, л. 1]. Ее получили А. И. Степанов в 1896 г. [4, с. 50—51], В. И. Баскаков в 1898 г. [5, с. 99] и А. Н. Никифоров в 1905 г. [6, с. 319]. Естественно, что А. Нобель не мог не знать о появлении такой премии в России, так как он являлся одним из учредителей «Товарищества братьев Нобель» [7, л. 3, 68а об.]. Это дает основание предположить, что Альфред Нобель, учреждая свои премии, как бы продолжил традиции семьи Нобель, но его премии стали носить уже не узкоспециализированный (для одной страны), а международный характер.

Но когда возникли трудности в реализации завещания А. Нобеля, то решающую роль в том, что оно не осталось на бумаге, сыграл племянник А. Нобеля — Эмануил Людвигович Нобель, продолживший дело своего отца в России [8, с. 44—45; 9, с. 25]. В Фонд Нобелевской премии из России был переведен пай, ранее принадлежавший А. Нобелю в «Товариществе братьев Нобель» [1, с. 11; 10, с. 31].

Однако есть еще одно свидетельство связи А. Нобеля с Россией, повлиявшей, возможно, на составление знаменитого завещания, в которое, в частности, был включен пункт о присуждении премий в области физиологии и медицины. Идею поощрять открытия в этой области часто объясняют тем, что А. Нобель проявлял к этим наукам значительный интерес, так как имел слабое здоровье [8, с. 40].

В ноябре 1893 г. в русских газетах «Сын отечества» [11] и «Биржевые ведомости» [12] появилось сообщение о «крупном пожертвовании», которое сделал А. Нобель в пользу Санкт-Петербургского Императорского Института экспериментальной медицины (ИЭМ). Оно было перепечатано в широко известном в медицинских кругах России журнале «Врач» [13, с. 1263]. Из этих сообщений выясняется, что Нобель, «интересуясь физиологией и желая способствовать изысканиям в области этой науки», пожертвовал ИЭМ «наличными 10 тысяч рублей». Основанием для такой информации в печати послужило Высочайшее повеление от 8 августа 1893 г. «о принятии капитала, пожертвованного Императорскому Институту экспериментальной медицины шведским подданным Альфредом Нобелем» (документ № 1). Но из текста как самого Высочайшего повеления, так и из сообщений в печати не совсем ясно, почему и как было сделано это пожертвование.

В Центральном государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) сохранились документы, в которых говорится о столь значительном вкладе А. Нобеля в развитие ИЭМ. Они объединены в дело под названием «Переписка с А. Нобелем о пожертвовании им 10.000 рублей на нужды института» [14]. Из документов видно, что А. Нобель в письме от 31 марта 1893 г. рассказал своему племяннику Э. Л. Нобелю о своих исследованиях в области физио-

Здание физической лаборатории академика И. П. Павлова, часть которой построена на пожертвования А. Нобеля. Рисунок В. С. Мешкунова (1993 г.)

ложил в письмо Э. Л. Нобелю от 21 июня 1893 г., отправленном из Цюриха в Петербург. В архиве имеется подлинный текст этого письма на французском языке [14, л. 1—2 об.] и перевод его, сделанный в тот же период (документ № 4). Так, А. Нобель предложил использовать принцип прививок растений при переливании крови из артерии «молодого и сильного животного» в вену больного с помощью «давления и прижимания, производимого механическим путем». Ему казалось, что эта идея с научной точки зрения представляет интерес, несмотря на непредсказуемость практических результатов эксперимента. Кроме того, он предложил попробовать на животных «переливать содержимое здорового, сильного желудка в желудок слабый или желудок больного». Нобель сам изучал «химическую сторону» воздействия ядов, находящихся в моче, о чем писал ранее в письме от 31 марта 1893 г. В первых строках письма от 21 июня 1893 г. Нобель обратил внимание на авторское право, поскольку считал свои предложения оригинальными. Здесь же он заявил, что действительно «не ставит никаких условий, принося свой маленький дар Институту принца Ольденбургского» (так тогда в обиходе назывался ИЭМ — по имени своего попечителя принца А. П. Ольденбургского**). При этом автор письма подчеркивал, что он сделает для института еще больше, если его предложения будут приняты во внимание. С аналогичным предложением А. Нобель обратился и в Каролинский медицинский институт в Стокгольме.

По поручению Альфреда Нобеля Э. Л. Нобель лично передал принцу А. П. Ольденбургскому наличными 10.000 рублей (документ № 5) с уже упоминавшимися письмами А. Нобеля. По сложившейся тогда в России бюрократической традиции А. П. Ольденбургский испросил у Александра III разрешение на принятие этого пожертвования (документ № 6), и уже 8 августа 1893 г. последовало соответствующее Высочайшее повеление. Полученные деньги были зачислены на специальные средства ИЭМ (документ № 7). В архиве имеется копия письма А. Нобелю, в котором принц А. П. Ольденбургский благодарит его за пожертвование институту (документ № 8).

Как же сложилась дальнейшая судьба этого бескорыстного дара Нобеля и на что были потрачены деньги? 18 мая 1894 г. исполняющий обязанности директора ИЭМ И. П. Павлов обратился к принцу А. П. Ольденбургскому с просьбой использовать эти средства на общие нужды института, поскольку А. Нобель не ставил «никаких условий в употреблении означенных де-

логии, связанных с изучением влияния находящихся в моче так называемых птоманнов* на течение различных заболеваний (документ № 2). Отметим, что А. Нобель вел постоянную переписку с Э. Л. Нобелем не только как с родственником, но и как с деловым партнером, касаясь, в частности, вопросов по организации производства динамита в России [17, л. 11]. В то же время Э. Л. Нобель с 1892 г. уже был «членом-сотрудником» ИЭМ (документ № 3), именно это и послужило, по всей вероятности, основанием для обращения к нему А. Нобеля по вопросам физиологии.

Но более подробную программу предполагаемых исследований по физиологии А. Нобель из-

* Птоманны — азотистые вещества, образующиеся в частях животного организма благодаря жизнедеятельности микроорганизмов. «Значение птоманнов в медицине, — считали физиологи того времени, — обуславливается фактором, который все более и более проникает в науку и который состоит в том, что причины многих инфекционных болезней должно искать в ядах, развивающихся вследствие жизнедеятельности микроорганизмов» [15, с. 619—620]. По современным источникам, это устаревший термин, употреблявшийся в биологической науке. Токсичность «большинства соединений, объединяемых прежде под названием птоманны, невелика» [16, с. 378].

** Александр Петрович Ольденбургский (1844—1932), — генерал-адъютант; участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; попечитель Императорского училища правоведения, приюта принца П. Г. Ольденбургского, своего отца (президента ВЭО, управляющего учреждениями Ведомства императрицы Марии; ему в 1889 г. в Петербурге на Литейном проспекте был воздвигнут памятник с надписью «Просвещенному благотворителю»), дома призрения для душевнобольных в Петербурге. ИЭМ был обязан своим существованием инициативе и щедрым пожертвованиям принца А. П. Ольденбургского [18, с. 915—916].

нег» (документ № 9). Возможно, в то время И. П. Павлов не увидел никаких положительных моментов в нобелевских предложениях, о которых он, конечно, знал, что подтвердил в своей Нобелевской речи, произнесенной 12 декабря 1904 г. в Стокгольме [19, с. 358]. Однако нет никаких свидетельств в пользу того, что предложениями А. Нобеля занимались в институте. Правда, Совет института в 1893 г. отпустил Павлову средства на расширение его лаборатории, которое было завершено в 1894 г. На пожертвованные А. Нобелем средства сооружена каменная двухэтажная пристройка к ранее существовавшему зданию [20, с. 53]. В новом помещении (оно сохранилось и до настоящего времени) «впервые в истории науки физиологическая лаборатория обзавелась специальной операционной, ничем не уступающей операционным при клиниках и больницах» [21, с. 40]. В этой лаборатории И. П. Павлов проводил свои исследования, за которые и получил Нобелевскую премию по физиологии и медицине.

Можно лишь предположить, что если бы ИЭМ все же занялся предложениями А. Нобеля, то, возможно, право на определение лауреатов Нобелевской премии по физиологии и медицине по завещанию А. Нобеля было бы возложено на этот институт, а значит и на Россию.

Если Альфред Нобель больше не имел дело с ИЭМ, то Э. Л. Нобель продолжал оказывать благотворительную помощь этому институту и в 1907 г. внес на его нужды 5 тыс. рублей (документы № 10, 11), которые также были записаны на специальный счет института (документ № 12). Журнал «Русский врач», сообщая об этом пожертвовании, добавил, что Э. Л. Нобель одновременно пожертвовал 25 тыс. рублей в пользу голодающих [22, с. 948].

В день 50-летия со дня рождения Э. Л. Нобеля в его адрес пришло приветствие от Императорского Института экспериментальной медицины, в котором вспоминалось «с чувством искренней признательности о том высоком участии», которое он принял «как при первых шагах института, так и при дальнейшем развитии его научной деятельности» [23, гл. II, с. 13]. Тогда же он получил и телеграмму от Нобелевского комитета премий доктора Альфреда Нобеля в Стокгольме [там же, с. 72].

Так были отмечены российской и шведской общественностью вклад семьи Нобель в развитие российской медицины и поддержка Э. Л. Нобеля в свое время Нобелевского комитета.

В. С. Мешкунов (Санкт-Петербург)

Документ № 1 [24, с. 544]

9915 — Августа 8. Высочайшее повеление, объявленное министром внутренних дел (Собр. узак. 1893 г. Сентября 28, ст. 1193) —

О принятии капитала, пожертвованного Императорскому Институту экспериментальной медицины шведским подданным Альфредом Нобелем

Шведский подданный доктор философии Альфред Нобель, интересуясь физиологией и желая способствовать изысканиям в области этой науки, представил попечителю Императорского Института экспериментальной медицины Его Высочеству принцу Александру Петровичу Ольденбургскому наличными деньгами 10.000 рублей как пожертвование его институту, не ставя никаких условий для употребления приносимого им дара.

Подвергая такое пожертвование на Всемилостивейшее Его Императорского Величества воззрение, Его Высочество принц Ольденбургский испрашивал разрешения Его Величества на принятие сего пожертвования для обращения оного в специальные средства Императорского Института экспериментальной медицины.

Государь Император в 8-й день августа 1893 года Высочайше на сие соизволил.

О таковом Высочайшем повелении министр внутренних дел 28 августа 1893 года доложил правительствующему Сенату для опубликования.

Документ № 2 [14, л. 8—8 об.]

Извлечение из частного письма А. Нобеля к Э. Л. Нобелю от 31 марта 1893 года

Между прочим, меня крайне интересует вопрос о том, как меняется отношение количества птомаинов в моче во время различных болезней различных субъектов.

Не утверждая этого положительно, я склоняюсь тем не менее предполагать, что функции селезенки и печени предназначены для того, чтобы поглощать и устранять из организма такие вещества, которые могут развиваться в нем соединения птомаинов; я полагаю, следовательно, что действительно здоровый организм не должен выделять через почки так называемых птомаинов (вообще количество птомаинов бывает самое ничтожное), ибо последнее есть продукт ненормального состава крови или выделения находящихся в нем паразитов.

Мне известно, что практические исследования указывают на противоположное, а именно, что так называемый здоровый человек выделяет несравненно большее количество птомаинов, чем больной, но, по-моему, это вовсе еще не доказывает, что действительно здоровый организм должен выделять через почки птомаины (токсины).

Теперь существует общее мнение, что некоторые болезни находятся в зависимости от количества птомаинов, содержащихся в крови, которые, не будучи удаляемы естественным путем, выходят через поры и при этом отравляют и разрушают строй клетчатки.

Во всяком случае для медицины представляет громадный интерес определить, находятся ли количества птомаинов в моче в какой-либо зависимости от различных болезней.

Документ № 3 [25, л. 1]

Императорский
ИНСТИТУТ
Экспериментальной
медицины
23.06.1892
№ 7

Санкт-Петербургского 1-й гильдии купца Эмануила Людвиговича Нобеля, изъявившего готовность содействовать своими трудами и пожертвованиями целям Императорского Института экспериментальной медицины, назначаю онаго членом-сотрудником этого института.

подписал: Попечитель принц Александр Ольденбургский

Копия

Документ № 4 [14, л. 3—4 об.]

Дорогой племянник!

Пишу тебе сегодня по-французски, чтобы избавить тебя от труда переводить мое письмо; кроме того, я хочу сохранить деловой документ о тех взглядах, которые будут изложены в этом письме, потому что я стою за свое авторское право на них, поскольку они оригинальны.

Прежде чем приступить к сущности дела, я заявляю, что не ставлю никаких условий, принося свой маленький дар Институту принца Ольденбургского. Но если бы оказалось желательным, что бы я сделал больше, я поставлю это в зависимость от степени развития, которое Институт пожелает или найдет возможным дать своим работам. В общих чертах я набросаю сущность этих исследований. Я делаю такое же сообщение президенту института *Caroline* в Стокгольме и надеюсь, что если высказанные мною идеи основательны, то один из двух институтов обратит на них внимание, которое они, может быть, заслуживают.

Прежде всего, дело идет об одной идее, которая уже давно бродит у меня в голове. Не имея претензии предсказать практические результаты ее; но если дело исполнимо, то уже одно научное исследование в этом направлении полно интереса. Видя великолепные результаты, полученные от прищипывания растений, я спросил себя, нельзя ли было бы воспользоваться подобными же приемами и в царстве животном. Попытки в этом направлении существуют, но сводятся пока к очень немногому.

С этой целью я предлагаю исследовать, не удастся ли заставить кровь животного молодого и сильного временно питать хилое животное той же породы, но с кровяными шариками такой же величины. Ясно, что если бы оказалось возможным соединить — наподобие прививки растений — артерию одного животного с веной другого, то получилась бы передача крови, но не той ухудшенной крови, какой бывает кровь, выпущенная из живого животного, но крови, исполненной всей своей жизненности. Дело опытных физиологов найти способ сделать это; но в том, что мы часто находим в единичных индивидуумах артерии, случайно сросшиеся с венами, я вижу указание на исполнимость таких сшиваний. Впрочем, посредство артерии я отнюдь не считаю безусловно необходимым. Сшивание вены с веной при помощи давления и прижатия, производимого механическим путем, тоже должно было бы обусловить, при существовании сообщения между ними, обмен живой крови. Что будет, если удастся в течение некоторого времени переливать кровь здорового индивидуума в индивидуум хилого или старого? Вот вопрос. Очень простая операция разъединила бы их потом.

Недавно я говорил о своем проекте с профессором Каем*, первым авторитетом Швеции по вопросам физиологии. Он нашел эту идею верной, и его мнение побуждает меня дать ей развитие.

Теперь второй вопрос, который меня интересует.

* Кай Аксель (Key Axel, 1832—1901) — патологоанатом, профессор Каролинского института (1862—1897), ректор этого института (1886—1897) [26, с. 222].

Врачи легко опорожняют желудок. Почему до сих пор не пробовали на животных переливать содержимое здорового, сильного желудка в желудок слабый или в желудок больного? Операция отнюдь не сложная, а исследования в этом направлении несомненно представляли бы интерес даже в том случае, если бы не привели к практическим результатам.

По поводу третьего вопроса, интересующего меня, я уже писал тебе в письме от 31 марта. Он касается вопроса о ядах, содержащихся в моче, и об отношении, которое может существовать между уменьшением или увеличением количества ядовитых веществ и ходом некоторых болезней. Я изучаю химическую сторону этого вопроса и не премину уведомить тебя, если достигну чего-нибудь полезного или хотя бы обещающего пользу.

Быть может, скажут, что я очень самонадеян, желая коснуться вопросов, входящих в область специальной науки. Но не всякий грех есть милость. Я имею влечение к физиологии, которая толкает меня на этот путь. Я заранее краснею за свои промахи, — быть может, ради этого к ним отнесутся снисходительно.

Документ № 5 [14, л. 7]

Э. А. НОБЕЛЬ

С.-Петербург, 3 августа 1893 г.

*В Императорский Институт
экспериментальной медицины*

В дополнение к письму А. Э. Нобеля, переданному мною Его Императорскому Высочеству принцу А. П. Ольденбургскому, считаю своим долгом препроводить при сем извлечение из частного письма Альфреда Эмануиловича ко мне из Сан-Ремо от 31 марта с. г., которое, собственно, и дало первый повод к внесению препровожденной мною в институт суммы.

Э. Нобель

(автограф)

Документ № 6 [14, л. 9—9 об.]

Шведский подданный доктор философии Альфред Нобель, интересуясь физиологией и желая способствовать изысканиям в области этой науки, представил мне наличными деньгами 10.000 рублей как пожертвование его институту, не ставя никаких условий для употребления приносимого им дара.

Подвергая такое пожертвование на Всемилостивейшее Его Императорского Величества воззрение, имею счастье испрашивать разрешение Вашего Величества на принятие оно для обращения в специальные средства Императорского Института экспериментальной медицины.

Подпись: принц Ольденбургский

(автограф)

Высочайше повелено принять и благодарить жертвователя.

Принц Ольденбургский

(автограф)

Петербург, 8 августа 1893 г.

Документ № 7 [14, л. 5]

31 июля 1893
№ 1914

В СПб губернское казначейство

Императорский Институт экспериментальной медицины имеет честь препроводить при сем в Казначейство пожалованные Альфредом Нобелем институту для научных целей 10 тысяч рублей серебром с покорнейшей просьбой зачислить означенную сумму в специальные средства института.

Директор*

(автограф)

* В это время директором ИЭМ был Шперк Эдуард Федорович (1837—1894); окончил медицинский факультет Харьковского университета, первый директор ИЭМ (1891—1894) [27, с. 827—828].

Документ № 8 [14, л. 10—10 об.]

Императорский
ИНСТИТУТ
Экспериментальной
медицины

№ 2029

Его Высочородию
А. Э. НОБЕЛЮ

Милостивый государь Альфред Эмануилович!

Желая способствовать изысканиям в области физиологии. Вы изволили препроводить в Императорский Институт экспериментальной медицины 10.000 рублей как пожертвование институту.

О таком желании я имел счастье 8-го августа Всеподданейше докладывать Государю Императору и ныне с особенным удовольствием спешу уведомить Вас, что Его Величество, соизволив принятие Вашего пожертвования, вместе с тем Высочайше повелел благодарить Вас за оное.

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в моем личном к Вам уважении.

Подлинное подписал:

принц А. Ольденбургский

Документ № 9 [14, л. 19]

Императорский
ИНСТИТУТ
Экспериментальной
медицины

18.05.1894

№ 937

В истекшем 1893 г. шведский подданный А. Нобель, интересуясь некоторыми вопросами физиологии и желая способствовать исследованиям в области этой науки, пожертвовал Императорскому Институту экспериментальной медицины 10.000 рублей, заявив, однако, что он не ставит никаких условий в употреблении означенных денег, вследствие чего сумма эта и зачислена в общие специальные средства института.

В настоящее время для уплаты по хозяйственным счетам, которые не могли быть покрыты сметным ассигнованием, и так как пожертвованная А. Нобелем сумма не приурочена к какому-либо специальному назначению и вследствие сего не представляется оснований отличить ее от других сводных специальных средств института, то поэтому имею честь почтительнейше просить разрешения Вашего Высочества * расходувать на общие нужды института и сумму, пожертвованную г. Нобелем.

За директора И. Павлов

(автограф)

Документ № 10 [28, л. 1]

Э. А. НОБЕЛЬ

СПб

С.-Петербург, июня 20-го числа 1907 г.

*В канцелярию Императорского Института
экспериментальной медицины*

Мною уже было заявлено лейб-медику Бергенсону ** о том, что я имею в виду внести на нужды института сумму в 5.000 рублей.

Для цели покорнейше прошу известить меня, в каком банковском учреждении находится текущий счет института.

С совершеннейшим почтением

Э. Нобель

(автограф)

* Имеется в виду принц А. П. Ольденбургский.

** Бергенсон Лев Бернгардович (1850—1929) — бальнеолог, гигиенист и общественный деятель, окончил Медицинскую хирургическую академию, автор книг по профессиональной гигиене [29, с. 275—276].

Документ № 11 [28, л. 7]

Э. А. НОБЕЛЬ

С.-Петербург, 6-е июля 1907 г.

СПб

Императорскому Институту экспериментальной медицины
 Ссылаясь на наши переговоры, при сем препровождаю выписанный мною на имя Императорского Института экспериментальной медицины чек Волжско-Камского банка на рублей 5.000 —

Э. Нобель

(автограф)

Документ № 12 [28, л. 8]

Императорский
 ИНСТИТУТ
 Экспериментальной
 медицины
 СПб
 Аптекарский о-в
 Лопухинская ул. № 12
 июля 1907
 № 3629

В С.-Петербургское губернское казначейство

Императорский Институт экспериментальной медицины, прилагая при этом пять тысяч рублей, полученные как пожертвованные на нужды института от члена-сотрудника Э. Л. Нобеля, покорнейше просит С.-Петербургское казначейство записать эти деньги на счет института по § 38 ст. 1.

Директор*

Список литературы

1. Тютюнник В. Т. Альфред Нобель и Нобелевские премии: Биобиблиографический указатель. Тамбов, 1988.
2. Бабищин Н. А. Техническое общество и модель камора // Морской сборник. 1866. № 12. С. 5—7.
3. РГИА, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 321.
4. Записки Императорского Русского технического общества. 1896. № 6—7.
5. Записки Императорского Русского технического общества. 1898. № 6—7.
6. Записки Императорского Русского технического общества. 1905. № 10—11.
7. РГИА, ф. 20, оп. 4, ед. хр. 3287.
8. Илюкович А. М. Согласно завещанию. Заметки о лауреатах Нобелевской премии по литературе. М., 1992.
9. Чолаков В. Нобелевские премии. Ученые и открытия / Пер. с болг. М., 1986.
10. Мешкунов В. С. Нобели на службе России, или Сколько было Нобелевских премий //ВДНХ СССР—ПРОГРЕСС. 1991. № 12. С. 30—32.
11. Сын отечества. 1 нояб. 1893 г.
12. Биржевые ведомости. 2(14) нояб. 1893 г.
13. Врач. 1893. № 45.
14. ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 2282, оп. 1, ед. хр. 47.
15. Энциклопедический медицинский словарь / Под ред. д-ра Виаре. СПб., 1893. Т. III.
16. Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. М., 1983. Т. 21.
17. РГИА, ф. 150, оп. 1, ед. хр. 172.
18. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 42. ✓
19. Павлов И. П. Полн. собр. соч. 2-е изд., доп. М.-Л., 1951. Т. II. Кн. 2. ✓
20. Летопись жизни и деятельности академика И. П. Павлова (1849—1917). Л., 1969. Т. 1.
21. Материалы к истории Всесоюзного института экспериментальной медицины (1890—1932). М., 1941. Т. 1.
22. Русский врач. 1907. № 27.
23. На память о дне 50-летия Э. Л. Нобеля. СПб., 1909.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XIII: 1893. СПб., 1897.
25. ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 2282, оп. 2, ед. хр. 152.
26. Bonniers Lexicon. Stocholm, 1961. Bd. 8.
27. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. 78.
28. ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 2282, оп. 1, ед. хр. 267.
29. Большая медицинская энциклопедия. М., 1928. Т. 3.
30. Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1959. Т. 2.

* Директором в это время был Подвысоцкий Владимир Валерьянович (1857—1913) — патологоанатом, в 1884 г. окончил Киевский университет, директор ИЭМ в 1905—1913 гг. [30, с. 133].

А. Нобель и российская наука

В преддверии столетия подписания в ноябре 1895 г. Альфредом Нобелем своего знаменитого завещания, открывшего дорогу к феномену двадцатого века — международным Нобелевским премиям, любой новый документ, связанный с именем учредителя Нобелевского фонда, не может не вызвать повышенного интереса. Особенно если обнаруженные документы касаются благотворительной деятельности изобретателя динамита. И тем более если их публикация способствует появлению новых гипотез относительно условий, в которых выкристаллизовывалась его великая идея.

К числу таких публикаций, несомненно, принадлежит предлагаемая подборка документов, обнаруженная в архивах Петербурга Виктором Сергеевичем Мешкуновым.

Собственно, сам по себе факт денежного взноса Альфреда Нобеля в пользу петербургского Института экспериментальной медицины (ИЭМ) новостью не является. О нем сообщала пресса того времени, Высочайшее повеление Александра III о принятии пожертвования зафиксировано в Собрании законов Российской империи за 1893 г. Новым, как справедливо подчеркивает публикатор, является объяснение причин, побудивших Нобеля сделать этот взнос, а именно подспудные надежды на внимание руководства института к некоторым его научным предположениям.

У И. П. Павлова, директора ИЭМ, будущего лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине 1904 г., эти намеки отклика не нашли, и полученные средства были пущены на хозяйственные нужды. Понять ученого-профессионала не трудно. Ведь жертвователю в вопросах медицины был дилетантом, а реверанс в Нобелевской речи великого физиолога одиннадцать лет спустя по поводу «нескольких очень поучительных проектов опытов» вполне объясним торжеством момента.

Публикатор, на мой взгляд, совершенно прав в своих предположениях о том, что при более уважительном отношении в Петербурге к пожеланиям благотворителя содержание его завещания, подписанного через два с половиной года после упоминаемого акта пожертвования, могло оказаться несколько иным. Например, право присуждать Нобелевскую премию по физиологии и медицине в этом случае могло быть возложено не на Каролинский институт в Стокгольме, а на ИЭМ в Петербурге. Этот вывод чрезвычайно интересен, хотя и требует выяснения вопроса о том, какой отклик нашли в 1893 г. предложения Нобеля в Каролинском институте.

Хотелось бы обратить внимание на еще один момент. Предложения об экспериментах были сделаны стокгольмскому и петербургскому научным медицинским учреждениям, хотя сам Нобель в то время жил в Италии, имел свои предприятия в Германии, тогдашнем центре мировой научной медицины. Конечно, эти адреса напрямую связаны с его биографией. Стокгольм — столица его родины, а в Петербурге прошли его детство и юность, сформировались научные интересы. Однако дело не только в ностальгических восприятиях. Для таких предпочтений необходима еще уверенность в творческом потенциале выбранных научных коллективов. И такая вера у Альфреда Нобеля была. Реноме российской науки в его глазах было достаточно высоким.

Русские ученые, особенно в биологических отраслях знаний, находились в первых рядах мировой науки. Нобелевские премии И. П. Павлова и И. И. Мечникова, полученные ими уже в первые годы существования Нобелевского фонда, — одно из таких свидетельств.

А. М. Блох